

К. Э. Разлогов

Кино и провинция

В статье воссоздается историко-культурный контекст развития системы кинофестивалей. Анализируется политическая, экономическая и национальная специфика кинофестивалей в мире и в России. На основе лично автором изученного культурного опыта показано, что в последние годы сфера кинематографии не только вернула себе ведущие позиции в культурном развитии, но и весьма неожиданно децентрализовалась. Рассматривается работа отечественных кинематографистов: в Ханты-Мансийске основан фестиваль «Дух огня», а затем и свой центр кинопроизводства); российская премьера «Фауста» А. Сокурова состоялась в рамках Культурного форума в Ульяновске; характеризуются фестивали в Екатеринбурге, в Перми («Текстура»), международный фестиваль в Якутске, выборгский фестиваль «Окно в Европу» – наиболее советский из пост-советских фестивалей, отмечается работа фестиваля «Меридианы Тихого» во Владивостоке и недавнее рождение фестиваля «Край света» в Южно-Сахалинске. Высказывается предположение о том, что кинематографическое освоение многообразия многокультурного мира на территории Российской Федерации приобретает новые очертания, а качество создаваемых фильмов делает возможным разработку специальных программ их презентации на крупных международных кинофестивалях, где особо ценятся экзотические открытия.

Ключевые слова: кинофестиваль, кинопроизводство, экранная культура, массовая культура, Россия, творческие и организационные принципы, провинция, многокультурный мир, открытие.

К. E. Razlogov

Cinema and Province

In the article the historical and cultural context of development of the system of film festivals is recreated. Is analyzed political, economic and national specificity of film festivals in the world and in Russia. On the basis of the cultural experience studied by the author personally it is shown that in recent years the sphere of cinematography not only returned its leading positions in cultural development, but also was very unexpectedly decentralized. The work of domestic cinematographers is analyzed: in Khanty-Mansiysk "the Spirit of Fire" festival was based, and then and the center of film production); A. Sokurov's "Faust" first night in Russia took place within the Cultural Forum in Ulyanovsk; festivals in Yekaterinburg, in Perm ("Texture"), the international festival in Yakutsk are characterised, Vyborg Festival "The Window into Europe" – the most Soviet among Post-Soviet festivals, the work of "Meridians of the Pacific" in Vladivostok and the recent birth of "the World's End" festival in Yuzhno-Sakhalinsk are noted. It is suggested that cinema development of variety of the multicultural world in the territory of the Russian Federation gets new outlines, and quality of created movies makes it possible to develop special programmes of their presentations in large international film festivals where exotic findings are especially appreciated.

Keywords: a film festival, film production, screen culture, mass culture, Russia, creative and organizational principles, province, a multicultural world, founding.

Среди бурных дискуссий, которые сопровождают идею Года культуры в 2014 г. и того, что это означает и что для этого надо делать, прозвучала для меня одна бесспорная мысль, что основное внимание следует уделить регионам России. Это верно как с точки зрения поддержки культурной жизни, которая в провинции, безусловно, идет более интенсивно, чем кажется из центра, так и для стимулирования творческих начинаний разного рода, в том числе и в сфере кинематографии.

Кинопроизводство и кинотворчество до последнего времени казались строго централизованными в Москве, поскольку кризис киностудии Ленфильм оттеснял на второй план даже

Санкт-Петербург с его безусловными кинематографическими традициями и мастерами.

Незаметно для стороннего глаза, но очевидно для внимательного наблюдателя по ходу технической революции, которая перевернула все наши представления об экранной и аудиовизуальной культуре, сфера кинематографии, которая в широком этимологическом смысле (запись изображения в движении) включает и ТВ и интернет, не только вернула себе ведущие позиции в культурном развитии, но и весьма неожиданно децентрализовалась. Первоначально казалось, что этот процесс охватывает лишь богатые регионы, обладающие собственными запасами нефти, газа и драгоценных металлов.

Первым проснулся Ханты-Мансийск, где был основан свой фестиваль «Дух огня», а затем и свой центр кинопроизводства, невзирая на все то, что последовало за ликвидацией ЮКОСА. Затем заговорили о самостоятельном феномене якутского кино, особенно в связи с появлением картины о Чингисхане (2009 г., известна как «Тайна Чингис-хаана» или «По велению Чингисхана») в постановке известного театрального режиссера (и министра культуры Республики Саха (Якутия) Андрея Борисова. Эта картина появилась исключительно вовремя, поскольку именно в конце 2000-х гг. мода на Чингисхана охватила половину земного шара, а картина Сергея Бодрова «Монгол» попала в список номинированных на Оскар, правда от Казахстана (Россия в этом списке была представлена фильмом Никиты Михалкова «12»).

Далее пошли совсем неожиданные метаморфозы. Снятый на немецком языке «Фауст» Александра Сокурова частично финансировался атомщиками из города Димитровград в Ульяновской области. В результате российская премьера этой выдающейся картины с участием автора состоялась в рамках Культурного форума именно в Ульяновске. Здесь зародилось широкое культурное движение, которое привело к тому, что на последнем Культурном форуме на родине Ленина появилась большая секция «Регион кино», представившая весьма широкую программу того, что делается в этой сфере.

Документалистика, довольно интенсивно развивавшаяся на Урале в Екатеринбурге (здесь проходит и национальный фестиваль неигрового кино и переехавший из Салехарда фестиваль аудиовизуальной антропологии) и в Перми («Флаэртиана»), стала тесно взаимодействовать с игровым кино и новым театром (фестиваль «Текстура» в той же Перми, о котором мне уже доводилось писать на этих же страницах).

Распространение и доступность цифровой техники практически сделали кинотворчество универсальным в таких новейших явлениях, как фильмы, снимаемые на сотовые телефоны и имеющие уже свои фестивали. В интернете резко возросло значение короткометражных лент, которые оказались более соответствующими интернет-форматам, нежели полнометражные игровые ленты, и тем более телесериалы, хотя и последние все больше скачиваются и смотрятся онлайн чаще, нежели в рамках телевизионных программ.

В этих мутациях особенно интересно отметить появление произведений, которые, безусловно, могут найти свое место в рамках и национальных и международных кинофестивалей. Последний опыт такого рода – секция «Офсайд» фестиваля «TomoTow/Завтра» обнаружил чрезвычайно актуальность дискуссий, которые ведутся вокруг регионального или провинциального кинематографа.

В одной статье, конечно, трудно претендовать на полный обзор того, что происходит в этой сфере, но упомянуть некоторые тенденции и названия, безусловно, имеет смысл. Так, недавно прошедший первый Международный кинофестиваль в Якутске показал не только уже известное существование феномена якутской школы, но и ее внутреннее художественное разнообразие. Ленту «Журавли над Ильменем» я несколько лет тому назад показывал в своей программе «Культ кино» на канале «Культура», потом появился «Снайпер Саха», а совсем недавно он представил уже на нескольких фестивалях картину о юности своего поколения в середине минувшего века. На противоположном конце эстетического спектра оказывается авангардизм «Дороги», где причудливо используется транснациональная традиция роуд-муви, чтобы выйти в хорошо известную в России проблематику духовности интеллектуально-философского кино.

В кулуарах фестиваля заговорили даже о своеобразной якутско-бурятской мафии, которая якобы захватила командные позиции в сфере кинопроизводства и распределения премий на фестивале, хотя я лично этого не заметил. Вызвано это было, наверное, безоговорочной победой бурятской картины «Булаг» Солбона Лыгденова, которая затем получила и главный приз секции «Офсайд» на фестивале "TomoTow".

У меня к этому фильму есть самые разные претензии, одна из которых – затянутость и известная тавтология, но нельзя отрицать, что автор, известный также своим участием в отечественных блокбастерах (что вменяется ему в вину некоторыми моими коллегами), безусловно, способный и яркий кинематографист, которому, как и многим его коллегам, не хватает самодисциплины.

Другой стороной провинциальная проблематика демонстрирует себя в картинах, снятых на этническом материале. Одна из последних лент такого рода по сценарию Виктора Осокина обращена к культуре марийцев и называется «Небесные жены луговых мари». Эта по-своему экс-

периментальная картина Алексея Федорченко включает более 20 коротких новелл о марийских женщинах в контексте того, что в республике Марий-Эл называют традиционной религией и что представляет собой своеобразную современную версию язычества, хотя последний термин носителями этой культуры не принимается. И опять-таки на противоположном конце спектра челябинская «Десятка», которая выворачивает наизнанку все нормы профессионального мастерства и поэтому оказывается за чертой нормального кино вместе со всей творческой когортой того, что в «соседнем» изобразительном искусстве и видеоарте называется искусством актуальным.

Парадоксы «Текстуры»

В пермский фестиваль «Текстура» меня вовлек московский театр «Практика», где собираются представители новых и новейших тенденций как театра, так и смежных искусств. В сожалению, в силу загруженности мне удалось всего лишь однажды в 2011 лично принять участие в самом фестивале.

Я оказался в Перми на третий день фестиваля, когда он уже вполне развернулся. Здесь правили бал Владимир Сорокин (герой программы «Имя» вместе с отсутствовавшим Лукасом Мудиссоном), документалисты Виталий Манский и Александр Расторгуев, Павел Лунгин и триумфатор Венеции, сокуровский черт Александр Адасинский со своим театром «Дерево». Больше всего поразили не звезды, а основной состав и участников и зрителей – в большинстве своем они были в 4–5 раз моложе тех, к кому я был приучен на кинематографических сходках и собраниях академических, где чувствовал себя чуть ли не самым младшим. Здесь ситуация была обратной – я оказался аксакалом, который то ли с высоты, то ли со слепоты своих лет рассматривал представленную ему продукцию.

По прибытии я сразу был вовлечен в поток интересных событий, начиная с читок пьес, к которым был не приучен, и поэтому слушал и смотрел с интересом, как своеобразные полуфабрикаты «театральных» текстов, большинство из которых никогда не будут реализованы на сцене, превращаются (с большим или меньшим успехом) в микеланджеловское *non finito*. В промежутках между спектаклями, из которых не пропускал ни одного, и читками я досматривал те фильмы, которые пропустил раньше. Кинопрограмма была для меня интересна именно пе-

ресечениями с театром и с драматургией, которую я «судил».

Одна вещь меня сразу покорила и сделала этот фестиваль событием – ощущение реальной жизни искусства, реальной творческой среды, в которой и произрастает что-то новое, в том числе, конечно, и чертополох. Поражало почти полное отсутствие той самой заторможенности и застылости, которые столь часто сопровождают нас в кинематографических бдениях, а также порядком поднадоевшего официоза, когда собираются люди, которые готовы на все ради того, чтобы отпилить свой кусок государственного бюджета. Здесь атмосфера была свободной, раскованной и хотя я по своему обыкновению пропускал развлекательные части программы, где шла активная не только художественная, но и, надеюсь, сексуальная жизнь, отражение этой жизни на сцене и на экране оставалось впечатляющим.

Интересны были и обсуждения, охватывающие самые разные стороны кинематографического, театрального и телевизионного процессов, где сталкивались порой противоположные мнения. Два полюса довольно точно зафиксированы в современной культурной ситуации. Одни видят в зрелищных формах по преимуществу явление массовой культуры, ориентированной на коммерческий успех и на бизнес, а другие (в первую очередь представители творческих профессий) – принимают и отстаивают лишь принцип художественного самовыражения. Особенно любопытно сложилась дискуссия о соотношении «авторского кино» и телевидения, где с трудом нашли всего одну героиню – Валерию Гай-Германику, которая завершает свой второй телевизионный сериал для Первого канала.

Столкновение коммерческих и творческих импульсов ничего удивительного в себе не содержит. Субкультура, к которой принадлежат участники и зрители этого фестиваля, – субкультура обновленческая, находящаяся далеко от «мейнстрима» в культуре в целом и, боюсь, на периферии основного процесса и в театре в силу преклонного возраста тех, кто делит между собой официальное сценическое пространство не только в нашей стране, но и за рубежом.

У позиции субкультуры есть и преимущества, коль скоро тут выстраиваются свои пирамиды, вырастают свои кумиры, многие из которых были мне неизвестны, так как не прошли еще (или уже) через сито массовой культуры, благодаря которой можно познакомиться с наиболее инте-

ресными или знаменитыми явлениями самых разных субкультур. Если кинематографистов я знал всех, то театральные деятели открывались для меня в Перми новыми сторонами.

К сожалению, ряд спектаклей я пропустил. Из того, что было отмечено премиями, я не видел спектакль, получивший Главный приз, – «Боги пали и нет больше спасения» Виктора Жаркова движения «Театр.doc», но зато с интересом посмотрел постановку Юрия Муравицкого, получившего почетное звание «режиссер СегоДня», где причудливо пересекаются элементы шестидесятничества и отношения к зарубежным музыкальным кумирам того времени с монологами в зал и исповедами самих актеров. Забавным мне показался спектакль Андрея Шарова «Небожители», который уже несколько лет идет в театре «Практика» и находится на пересечении телевидения и театра, коль скоро именно пересечения для программы этого фестиваля наиболее интересны. На стыке театра и публичного дома оказывается спектакль «Коммуниканты» театра-сцены «Молот» в Перми, где и проходил весь фестиваль. Он был отмечен жюри с формулировкой «за честный художественный жест». Я бы переформулировал проще – «за откровенность».

В названных спектаклях пересекались две традиции – с одной стороны, собственно театра, как бы сказали в Америке, *off off Broadway*, потому что есть бродвейские театральные мюзиклы, есть театры *off Broadway*, где ставятся серьезные драмы, и есть постановки *off off* в приспособленных помещениях, открывающие перспективы театра не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня. Именно к этому последнему типу зрелищ относится большая часть спектаклей «Текстуры». Что особенно важно, подбирались они на пересечении кинематографического, телевизионного и театрального опыта, тем самым взаимно оплодотворяя друг друга. Не случайно Гран-при по программе «драматургия» получила пьеса о кино «Выбор героя». Первой премии «Пьеса СегоДня» удостоена чрезвычайно близкая мне по интонации «Нурофеновая эскадрилья» Андрея Родионова – своеобразная стихотворная соцартовская парафраза на мотивы классической советской культуры.

Надо отметить, что демонстрация программы «Драматургия» в публичных чтениях текстов (как правило, неполных, так как они должны были укладываться в один час) решила для меня одну загадку. Когда начал читать эти тексты, то никак не мог понять, почему в них так мало сценических

элементов – диалогов и расчета на то, что пьеса будет поставлена. В ходе чтотков и обсуждений я догадался, что этот тип драматургии рассчитан не на серьезную классическую постановку, а на читку и инсценировку отдельных эпизодов. Таким образом, это скорее полуфабрикат, чем полный и законченный текст, как раз за исключением «Нурофеновой эскадрильи». Этот элемент полуфабриката дает надежду на то, что из него вырастет что-то более значительное не в плане данного произведения, а в перспективе тенденций, которые представляют отобранные работы, хотя отмеченные премиями пьесы «Родина» и «Север» не произвели на меня особого впечатления.

Естественно, что мое отношение к программе кино было несколько иным, коль скоро здесь мне были известны самые разные тенденции в современном киноискусстве. Мне особо дорога победа фильма «Шапито-шоу». Его постановщик Сергей Лобан получил почетное звание «Режиссер СегоДня», а картина неожиданно стала сенсацией после того, как мы ее показали на Московском международном фестивале, где она получила, к моему удивлению, приз международного жюри. «Текстура» показала, что она стала культовой в молодежной художественной среде. Это совершенно иное по интонации и характеру кино. нежели то, к которому привыкли зрители и киноведы, в том числе и со стороны молодых режиссеров. Создатели «Шапито-шоу» вписались в «тусовку» «Текстуры» – иной группы людей, иной компании, иной школы, иной культуры, к которым принадлежит и картина, выигравшая этот конкурс, – документальная лента Андрея Грязева «День шахтера». Это, безусловно, достойное произведение, которое представляет актуальную, хотя и немного выдыхающуюся тенденцию *doc*.

Было много споров относительно сопоставления в программе маргинальных отечественных картин и уже знаменитых зарубежных фильмов, в частности получивших признание на международных кинофестивалях. Так, звание «Фильм СегоДня» была удостоена лента «Гавр» Аки Кауризмьяки. Тем самым была исправлена ошибка международного жюри Каннского фестиваля, которое недооценило эту картину, в отличие от международного жюри кинопрессы, которое дало ей в Каннах свою премию. Эта картина относится к чрезвычайно распространенному в современном западном кино тематическому пласту картин, отстаивающих право на сопереживание и поддержку вынужденных эмигрантов, которые сегодня заполнили Европу и многим представ-

ляются главными врагами, в результате чего Саркози и Меркель объявили о крахе политики мультикультурализма. В фильмах этой волны безжалостности бюрократической и полицейской машины противопоставляется человеческая интонация, чем сильна французская картина финского режиссера. Сопереживание становится всеобщим и в какой-то степени затрагивает те отечественные картины, которые получили признание жюри программы «Кино». «Шапито-шоу» и «День шахтера» вполне сопоставимы с «Гавром» или столь же знаменитой картиной «Мальчик на велосипеде» братьев Дарденн (она была отмечена жюри Каннского кинофестиваля) и чрезвычайно своеобразной лентой Клио Барнард «Арбор», получившей в Перми приз «Взгляд Сегодня». Все это свидетельствует о том, что кино отечественное и кино мировое не развивается в отрыве друг от друга, что существует некий общий кинопроцесс, и в этом едином потоке отечественные кинематографисты далеко не всегда оказываются в проигрыше, а иногда и предвещают изменения, которые лишь грядут.

К сожалению, сценарии программы «Драматургия» в этом плане меня меньше порадовали. Сенсацией в контексте «Текстуры», безусловно, стали «Два ветра» Юрия Клавдиева, так как это культовый театральный драматург. В сокращенном варианте чтения этот сценарий мне показался значительно интереснее, чем в полном, где центральная идея слепоты и прозрения слишком замутнена второстепенными подробностями. Интересен текст Анны Яблонской «Язычники». Что касается сценария «Гуманист» Александра Швецова, это тот редкий случай, когда на фестивале сценарист нашел режиссера, а режиссер нашел свой сценарий (я пока не буду выдавать эту тайну, так как проект может и не реализоваться).

В целом мое оптимистическое представление о будущем нашего киноискусства не разделяли многие участники дискуссий, которые не всегда учитывали общий культурный контекст, где мертвые нередко тянут за собой в могилу живых, а здесь все-таки живая энергия и живой драйв были безусловно господствующими. Я же это столкновение ощутил особо остро, поскольку улетел в Пермь сразу после скандально знаменитого заседания Оскаровской комиссии, когда большинством голосов на премию американской киноакадемии, на мой взгляд, вполне заслуженно был выдвинут экспериментальный фильм Никиты Михалкова «Цитадель». В начале моего пребывания в Перми мне мешали смотреть фильмы

и спектакли непрерывные телефонные звонки с самых разных теле- и радиостанций, которые требовали сатисфакции. В конце первого дня я отключал телефон на время просмотров, чтобы не портить себе впечатление от того, что видел перед собой, и с довольно большим удивлением обнаружил, что дух экспериментаторства и стремление шокировать окружающих в какой-то степени сближает участников фестиваля «Текстура» со столь нелюбимыми ими последними работами патриарха отечественного кинематографа.

Россия в европейском контексте

Двадцать первый выпуск Выборгского кинофестиваля «Окно в Европу» доказал жизнеспособность раз найденной формы – комбинации игрового, документального и анимационного кино, разделенных ныне на три самостоятельных конкурса с отдельными жюри. В программе более четко выделена секция «Окно в Европу», куда попали достаточно многочисленные ныне копродукции с соседними странами – от бывших республик Советского Союза до крупнейших европейских кинематографий.

Общее впечатление от фестиваля напоминает своеобразную мозаику, где лучшее соседствует с худшим, а жанры, стили и режиссерские манеры причудливо не только и не столько переплетаются, сколько отталкиваются друг от друга. Выборг часто сопоставляют с лидером среди национальных фестивалей – сочинским «Кинотавром», от которого «Окно в Европу» отделяют два месяца, поэтому говорить о том, что каждый из них получает продукцию полугода, неправомерно. Главное различие между ними в том, что, особенно в последние годы, «Кинотавр» стал функционировать как некая единая производственно-творческая система с очень четкими критериями отбора фильмов и предпочтениями как Ситоры Алиевой, так и Андрея Плахова, которые курируют различные разделы сочинской программы.

Отдельная секция «Кинотавра» «Короткий метр» в Выборге оборачивается множественностью документальных и анимационных вариантов, поскольку и тот и другой конкурсы состоят из нескольких десятков фильмов, большинство из которых короткометражные (в случае документалистики и ненормативно среднего метража).

Наиболее престижным считается приз зрительских симпатий «Выборгский счет», который присуждается полнометражному фильму из любой части программы. В нынешнем году бесспорным фаворитом здесь считался победитель

«Кинотавра» «Географ глобус пропил» Александра Велединского. Это действительно талантливая и яркая экранизация, на мой взгляд, выдающегося романа Алексея Иванова с Константином Хабенским, которому наконец-то досталась роль, соразмерная его могучему таланту. Однако лента эта оказалась в зрительском голосовании только второй, что, я полагаю, разочаровало ее создателей. На третьем же месте – постоянный лидер Выборгского фестиваля Станислав Говорухин с его профессионально стилизованным ремейком фильма Луи Малля «Лифт на эшафот», выдержанным в аналогичной черно-белой гамме.

А вперед вырвалась картина Алены Званцовой «Московские сумерки», сделанная в популярном ныне жанре бытовой истории с привидениями. Вопреки мнению большинства коллег, фильм этот меня порадовал, особенно по сравнению с предыдущей неудачной работой режиссера.

Ножницы между профессиональной и зрительской оценками сказались в восприятии картины «Санкт-Петербург» – международного любовного треугольника на фоне танцев и столкновения разных культур, поскольку его герои (два брата – дети одного отца и разных матерей) живут в Великобритании и в России. Эта, на мой взгляд, поверхностная и банальная картина сорвала гром аплодисментов, доказав, что сентиментальные сказки по-прежнему привлекают зрителей, во всяком случае, выборжан и гостей фестиваля.

В рамках фестиваля прошло несколько творческих дискуссий. Наиболее интересным для меня был разговор о разных системах распространения фильмов, в частности и особенности в интернете. Я впервые непосредственно столкнулся с теми молодыми людьми, которые занимаются кинопоказом в интернете и весьма живо и со знанием дела излагают особенности опыта своих кампаний. Можно только приветствовать идею организаторов фестиваля провести отдельный конкурс фильмов в интернете, где, к их удивлению, среди победителей оказалось и произведение, уже известное в мировом масштабе.

Что же касается копродукций, то, по мнению моих коллег (к сожалению, я не смог посмотреть эту картину, так как ее показ совпал с одной из дискуссий), наиболее интересной была лента польского режиссера Владислава Пасиковски «Колоски», посвященная трансформации исторической памяти на примере одной семьи и одной деревни. Тема, безусловно, актуальная, осо-

бенно в условиях нашей нынешней одержимости какой-то вневременной «исторической правдой».

В основном конкурсе точкой отсчета можно считать картину «Метель» – осовремененную экранизацию произведения Льва Толстого. Оправданием для создателей этого «шедевра» может служить лишь то, что картина снималась и монтировалась в череде конфликтов, и человека, ответственного за столь очевидную неудачу, найти не удалось. Далее шаг за шагом вырисовывались не только восхождение по лестнице художественного уровня, но и разброс, поскольку дистанция даже между премированными фильмами была чрезвычайно значительной. С одной стороны, видимо, по инициативе члена жюри Сабины Еремеевой, была отмечена экспериментальная лента «Диливеранс», с несколькими интересными моментами, но абсолютно не выстроенная драматургически. С другой, и это было ожидаемо, победительницей оказалась Лариса Садилова с мелодрамой о гастарбайтерах под названием «Она». Картина вполне профессиональная, трогательная по содержанию, но, на мой взгляд, испорченная слишком прямолинейным хэппи-эндом. Зато единодушным было признание актерского приза исполнителю одной из двух главных ролей в фильме «Зимний путь» Евгению Ткачуку. Его портрет бунтаря в иступлении выигрывал рядом с более одноплановой работой Алексея Франдетти. Сама картина вызвала большую полемику в силу провокационности гомосексуального сюжета и очевидного столкновения между культурой низов и так называемым высоким искусством, поскольку герой Франдетти – певец, исполняющий бессмертное произведение Франца Шуберта, музыка которого звучит в течение всего фильма. Тема наркотиков позволила раскрыться таланту Михаила Кричмана, блестяще воплотившего видения под воздействием галлюциногенов. «Зимний путь» получил приз Гильдии киноведов и кинокритиков.

Среди призеров большого жюри были и Александр Адабашьян как сценарист картины Анны Чернаковой «Собачий рай», и оператор фильма Нурбека Эгена «Шахта» Дмитрий Ермаков. Главный приз по разделу документального кино достался студентке ВГИКа Марии Пономаревой за талантливую ленту «Разновесие». Победителем анимационного конкурса стал фильм «Подарки черного ворона» Степана Бирюкова. Председатель жюри анимации Наталья Дабижа подчеркивала, что картин, заслуживающих награды, было очень много. Помимо вручения не-

скольких дипломов, на церемонии закрытия Наталья Дабижа зачитала большой список картин, которые, с ее точки зрения, вполне могли бы быть награждены, в то время как ее коллега по документалистике – харизматичный Андрей Максимов – посетовал на обилие откровенно слабых картин. И вновь приходится вспомнить о том, что именно разноплановость и разнообразие составляют сильную черту Выборгского фестиваля, в результате чего мы получаем возможность сопоставить не только разные фильмы, но и мнение разных групп как профессионалов, так и зрителей.

«Окно в Европу» – наиболее советский из постсоветских фестивалей. Ему удалось сохранить ауру культуры нашего не столь давнего прошлого во многом потому, что его президентом остается Армен Медведев – наиболее умный, тонкий, дипломатичный, ироничный и циничный из руководителей некогда великой отечественной кинематографии. И по мере возвращения в нашу страну советского типа культуры с госзаказом, идеологической цензурой и РПЦ вместо ЦК КПСС под эгидой моих коллег-историков, некогда добившихся запрета «Андрея Рублева» Тарковского как искажающего историческую «реальность», именно Выборгский фестиваль становится наиболее актуальным воплощением надежды на то, что искусство выстоит и возродится даже в условиях пришествия «новых варваров».

Таким образом, художественное кинематографическое освоение богатства и многообразия многокультурного мира на территории Российской Федерации приобретает совершенно новые очертания, а качество создаваемых фильмов делает возможным разработку специальных программ их презентации на крупных международных кинофестивалях, где особо ценятся экзотические открытия чего-то такого, что не доходило раньше не только до мейнстрима, но и до стихии фестивального кино. Процесс этот начался довольно давно, но вышел на поверхность в самое последнее время, если иметь в виду и Ульяновск, и Якутию, и Офсайд, который наконец донес эту волну до столицы (оказавшейся необходимым перевалочным пунктом), прежде чем она выльется на просторы мирового фестивального движения Востока и Запада, коль скоро речь идет не только и не столько о европейской части России, сколько об обширных азиатских регионах, которые если не совместным кинопроизводством, то фестивальным движением связаны с могучими потоками кино Кореи и Японии, о чем свидетельствует многолетняя практика проведения фестиваля «Меридианы Тихого» во Владивостоке и недавнее рождение фестиваля «Край света» в Южно-Сахалинске.